

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 1995 г. О.А. ЛАПТЕВА

**ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ ГОРОДСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ
В МЕСТНЫХ ЦЕНТРАХ***

*Памяти Варвары Георгиевны Орловой
и Иосифа Антоновича Оссовецкого*

Русская разговорная городская речь к настоящему времени изучена довольно полно. Работы Г.Г. Инфантовой, О.А. Лаптевой и ее группы, Е.А. Земской и ее группы, О.Б. Сиротининой и ее группы и другие работы составляют в русистике самостоятельный раздел. Тем не менее вне рассмотрения остается круг принципиальных вопросов, что не позволяет пока выстроить целостную концепцию структуры и состава русского национального и русского литературного языка.

Русская разговорная и – шире – русская устная литературная речь нуждается в исследовании с позиций теории литературного языка, столь продвинутой работами В.В. Виноградова, Н.И. Толстого, целой плеяды славянских лингвистов, объединенных в Комиссию по изучению славянских литературных языков. Не определено место устной литературной (и разговорной) речи среди разновидностей литературного языка и возникающие при этом соотношения, не выяснен их статус в функционально-речевом и структурно-языковом планах – наподобие тому, как это сделано А. Едличкой, Вл. Барнетом и другими чешскими исследователями применительно к чешскому литературному языку. Устройство современного русского национального языка во всей совокупности его компонентов также не может быть адекватно представлено без установления соотношения общих и конкретных характеристик разговорной и устной литературной речи с аналогичными в формальном и функционально-семантическом планах диалектными характеристиками.

Такие вопросы, как определение городского и регионального просторечия, а также постулирование или отрицание существования региональных вариантов литературного языка, нуждаются в соотнесении соответствующих явлений с теми, которые обнаружены в литературной разговорной речи. Далека от полного выполнения поставленная В.В. Виноградовым задача полевого обследования русской речи городских центров России и нынешних стран СНГ и определение типологии ее группировок.

Свойственное современной лингвистике разъединение синхронных и диахрони-

* О т р е д а к ц и и. В предыдущем номере нашего журнала был опубликован обзор Е.П. Захаровой и М.А. Кормилициной "Проблемы функционально-стилевой дифференциации русского литературного языка в трудах саратовских лингвистов", в котором представители саратовской школы осветили ее достижения.

В этом номере предлагаем читателю еще один взгляд на труды этой школы в области изучения русской разговорной речи, дополненный анализом изданий пермской школы.

ческих методов исследования не обошло стороной и изучение разговорной речи. Остается невыясненным, как и когда возникли выявленные в современной речи разговорные особенности, были ли они свойственны древнерусскому и старорусскому языку и прежде всего их синтаксису и если да, то в какой степени и в каком конкретном воплощении, были ли они в литературном языке XIX в. и начала XX в. Недостаточно обследованы косвенные свидетельства – записки и письма прошлого, деловые памятники более древнего времени в их народно-разговорной струе. Есть лишь интересная попытка В.И. Трубинского [Трубинский 1984] соотнести диалектные и литературные разговорные особенности и В.Г. Мальковой [Малькова 1985] – выявить возможности реконструкции старорусского устно-разговорного синтаксиса.

Остается мало выявленным и используемым еще один источник истории разговорной речи – записи русской эмигрантской речи первой волны и старообрядческой речи в изоляции (в Сибири) и в иноязычном окружении. Такая речь могла законсервировать особенности живой речи ушедшего времени. Записи эмигрантской речи, конечно, не систематически, велись в лингвистических центрах некоторых европейских столиц, в частности, Кветой Кожевниковой в Праге (ее записи утрачены) и Марьей Лейнонен в Хельсинки и Тампере, собравшей со своими учениками много свидетельств о жизни русских в Финляндии [Vaschakoff and Leinonen 1990] и получившей вместе с ними интересные результаты о представленности современных разговорных синтаксических конструкций в старой эмигрантской речи (эти результаты собраны в дипломных и аспирантских работах). Некоторыми записями живой звучащей речи русских военнопленных времен первой мировой войны располагает и архив Берлинского университета им. Гумбольдта (эти данные все еще не введены в научный оборот).

Не исследован материал универсалий разговорной речи в разных национальных языках. Интересные результаты были получены при изучении английской, французской, чешской, польской разговорной речи – прежде всего в области синтаксиса. Сопоставление их со сведениями о моделях русского разговорного синтаксиса, которые обладают стойкими структурными признаками, не проведено (исключение – Скребнев 1971 и Скребнев 1985) и потому нельзя точно разграничить два пласта явлений – тот, который является принадлежностью лишь русского национального языка и тот, который идет от общей для разных языков психолингвистической базы устного осуществления речи. В связи с этим можно предположить, что вероятно существование даже и материальных совпадений в разных национальных языках. Предварительные наблюдения показывают, что при осуществлении речевого акта возникает ряд моментов, способных повлиять на организацию синтаксиса в речевом потоке, другие же его особенности способствуют сохранению национального своеобразия устно-разговорной синтаксической структуры.

Разговорная речь существует в устной форме, но используется в художественной литературе как один из способов создания образной ткани произведения. Как это происходит? По каким законам стилизуется разговорное средство в художественном тексте и как оно при этом преобразуется? Может ли разговорное средство стать стилистическим приемом, не изменившись материально и функционально, и если да, то любое или только некоторые? Какие разговорные средства в принципе не могут попасть в художественный текст – при том, что он по природе своей может вобрать в себя любое литературное и внелитературное средство? Какую роль при этом играют художественные намерения автора, а какую – его индивидуальная восприимчивость к разговорности?

Комплексного изучения этой проблематики пока не проведено, хотя интересные мысли и материал есть у В.Д. Левина и Т.Г. Винокур [Левин 1971, Т.Г. Винокур 1980], а также у В.Н. Виноградовой [Виноградова 1979]. Интерес к этим вопросам восходит к В.В. Виноградову [В.В. Виноградов 1963].

Задачи изучения современной устной литературной речи требуют продолжения собирательской работы. Предстоит обследовать: 1) исконные территориальные диа-

лекты – чтобы принять или отвергнуть гипотезу о принадлежности выявленных русскими "разговорниками" особенностей разговорной речи только литературному языку или и национальному и одновременно пролить свет на генезис соответствующих явлений; 2) речь городских центров на территории России и тех стран бывшего Союза, где она распространена; 3) отдельные сферы функционирования устной литературной речи.

Это позволит: 1) выявить место устной литературной речи и разговорной речи в системе русского литературного языка; 2) определить ее соотношение с другими видами устной речи русского национального языка (диалектной и просторечной; характер последней установление названного соотношения позволит уточнить); 3) определить соотношение устной литературной и письменной литературной речи, что, в свою очередь, станет предпосылкой для уточнения реального состава литературного языка в системе соотношения и взаимодействия его разновидностей и принципов его членения на эти разновидности; 4) корректировать понятие функционального стиля литературного языка, которое сможет стать конструктивным и адекватным своему объекту, только если войдет в систему оппозиционных соотношений разновидностей литературного языка и представит эти разновидности по единым, причем не только экстралингвистическим, но и собственно языковым основаниям.

Моделирование единой системы измерений и координат для разновидностей литературного языка сделает возможным представление грамматической системы литературного языка в виде некоего комплекса синонимических средств, организованных в синонимические ряды. Вместе с тем должны обнаружиться ограничения на существование синонимии (видимо, ситуационно-тематического характера). Такая грамматика смогла бы стать в подлинном смысле слова функциональной.

После этих необходимых оговорок относительно исходных понятий перейдем непосредственно к нашему обзору публикаций в местных центрах. Нам уже приходилось неоднократно определять свою позицию в печати относительно публикаций в академических изданиях, поэтому позволим себе здесь их не касаться. Сделанное на местах попробуем обобщить в двух аспектах – с точки зрения теоретических установок сложившихся в местных центрах направлений и с точки зрения приближения к решению обозначенных нами задач.

В отечественной русистике существуют две сложившиеся научные школы – саратовская школа изучения устной разговорной и других видов устной литературной речи, возглавляемая О.Б. Сиротининой, и пермская школа изучения функциональных стилей и в их числе разговорной речи, возглавляемая М.Н. Кожиной. Кроме того, в Екатеринбурге под руководством Н.А. Купиной начинаются исследования городской речи и функциональных стилей, в Барнауле – языка художественной литературы и разговорных элементов в нем (А.А. Чувакин), в Красноярске – экспрессивных и эллиптических элементов разных видов речи, в том числе и разговорной (А.П. Сквородников).

Саратовская и пермская школы имеют давние и прочные традиции, объединяют большой круг исследователей-единомышленников, растят молодых ученых, которые работают ныне в разных городах страны, проводят научные форумы и выпускают продолжающиеся издания. Выпускаемые сборники носят, как правило, тематический характер и затрагивают разные уровни (ярусы) языка. Систематизированных описаний этих уровней, объединенных в коллективной монографии, пока нет. Исключение составляют две вышедшие саратовские книги по лексике и грамматике разговорной речи [Сиротинина ред. 1983; 1992].

Предлагать здесь общую характеристику школ, анализ суммы их идей и методов мы не станем, потому что каждая из школ значительно шире исследований разговорной и устной речи. Наша задача – осветить направления изучения двух последних. Однако отметить некоторые различия в саратовской и пермской школах можно: у них разные объекты исследования и отчасти разные методы анализа. Об объектах

уже сказано (саратовский объект компактнее, пермский – шире), методы же различаются лишь частично, поскольку и та и другая школы опираются на данные лингвистической статистики (пермская – в меньшей мере) и во многом идут вслед за Б.Н. Головиным. В связи с этим лучше остановиться на наиболее крупных проблемах и наиболее впечатляющих результатах.

Когда нам пришлось выступить на страницах этого журнала с обзором работ по разговорной речи (это было более 25 лет тому назад – Лаптева 1967), первые саратовские работы уже существовали, однако школы еще не было. Это делало возможным достаточно полное обозрение имеющейся литературы по намеченным проблемам. К настоящему же времени существует большая серия саратовских исследований и несложно работ монографического характера.

"В о п р о с ы с т и л и с т и к и", объединяющие разные работы саратовской школы и начавшие выходить в середине 60-х гг., к настоящему времени насчитывают 25 выпусков (они были пронумерованы до 15-го выпуска, вышедшего в 1980 г., затем с 1981 г. год выпуска указывался на обложке, а с 1989 г. – лишь на титульном листе, что, конечно, объясняется внешними обстоятельствами), из которых тематические – начиная с 1981 г. Хотя все они названы "межвузовскими", их основу и направление являют собой саратовские работы, да и многие другие авторы, ныне не саратовские, вышли из саратовской школы.

Как и во всей нашей (и зарубежной) русистике, до середины 60-х гг. разговорная речь изучалась в Саратове по письменным источникам. Первые работы, основанные на живых звучащих материалах, появились приблизительно в 1963 г., а первая саратовская работа на таких материалах (расшифровки магнитофонных и ручные записи) появилась в вып. 3-м (1969 г.), где Э.А. Ключкова, изучавшая распределение классов слов в живой разговорной речи, показала, что в таком распределении имеет некоторое значение вид речи (диалогический или монологический), который определяет и некоторую разницу в синтаксисе высказывания, однако большее значение имеет тип (стиль) речи, о форме же (устной или письменной) сказать в это время было еще ничего нельзя. В этой небольшой статье оказались первоначально сформулированными сложившиеся к этому времени принципиальные воззрения и направления саратовской школы.

Применяя статистический метод, исследователи рассматривали употребление и функционирование разных частей речи и других явлений в разговорной речи. Э.А. Ключкова (Столярова) получила данные о существительных и прилагательных в их функционировании и семантике (вып. 9, 1975; вып. 14, 1978); одновременно касаясь вопроса о факторах, формирующих отличие разговорной от иных типов речи, она считает ведущими собственно стилевые признаки разговорной речи и малозначительным признаком формы речи. Такое понимание свойственно вообще саратовской школе до определенного периода (ср. Н.В. Шевченко, вып. 19, 1984), оно хорошо согласуется со статистическим подходом (разные явления подсчитываются в текстах разной стилистической принадлежности и, естественно, обнаруживаются различия) и в меньшей мере – с результатами анализа расшифровок магнитофонных записей монологической речи, которые на первых порах не были здесь в центре внимания.

И.П. Глотова, Н.И. Кузнецова, Т.Р. Коновалова, В.А. Богданова, Н.И. Ильминская, М.А. Кормилицына, Н.И. Цуканова, Т.В. Кочеткова, А.И. Останин исследовали лексические включения, атрибутивные отношения, частотность определений, экспрессивные конструкции, полипредикативные конструкции, пространственные наречия, глаголы говорения, глаголы движения, обращения в разговорной речи (вып. 4, 1972; вып. 6, 1973; вып. 7, 1974; вып. 9, 1975; вып. 13, 1977; вып. 14, 1978). Атомарность в выборе и анализе явлений на этом этапе предвляла последующее более комплексное обращение к системно-монографическому описанию.

Языковым механизмам организации разговорной речи посвящены статьи З.Л. Новожиной, Г.Г. Полищук, Е.М. Пыж, где рассмотрены проявления тенденций к экзонимии и избыточности, обязательности и факультативности (вып. 10, 1975; вып.

1981 г.; вып. 21, 1986). Большая группа исследователей во главе с О.Б. Сиротининой (В.А. Богданова, И.П. Глотова, Е.П. Захарова, Н.И. Ильминская, Н.А. Кирсанова, М.А. Кормилицына, Э.М. Ножкина, Г.Г. Полищук) рассмотрела явление лексической синонимии в разговорной речи в сравнении с научной и художественной (вып. 15, 1980). Г.Г. Полищук вместе с Е.В. Машковой, Т.В. Китаевой, Т.И. Кучинской обратилась к вопросу об отражении разговорной речи в художественном тексте и подтвердила мысль В.В. Виноградова об "олитературенности" такого разговорного явления и мысль Т.Г. Винокур [Т.Г. Винокур 1980] в специальный прием (вып. 11, 1976; вып. 1981 г.). Примечательно, что именно в этот период появляются самые первые наблюдения над языком лекции, то есть над текстом монологическим (Г.Г. Полищук и др., вып. 13, 1977).

Интересный анализ только что появившихся к тому времени первых монографических описаний разговорной речи принадлежит Г.Г. Инфантовой (вып. 14, 1978) – одному из первых накопителей разговорного материала и исследователю экономии сегментных средств [Инфантова 1973; Инфантова 1975].

Проблемный характер исследований усиливается у саратовцев начиная с 1981 года, когда выпуски "Вопросов стилистики" стали формироваться по тематическому принципу. Школа подошла к анализу функционально-стилевой дифференциации литературного языка (вып. 1981 г.), межстилевой и внутрисиловой вариативности языковой системы (вып. 21, 1986), устройства текста и его компонентов (вып. 24, 1992) и, что особенно важно для изучения устно-литературной речи, – устной и письменной форм речи (вып. 23, 1989). Рассматриваются нормы разговорной речи и их варианты (Е.Б. Хатунцева, вып. 1981), продолжается анализ явлений устной научной речи (Н.В. Шевченко, вып. 1981) и в связи с этим – общего вопроса о соотношении официальной и неофициальной речи (В.М. Тобурова, вып. 1982), неподготовленности и спонтанности (Т.П. Бельтенева, вып. 19, 1984), лексические акцентные особенности просторечия сравниваются с фактами публичной речи (В.В. Левитский, вып. 19, 1984).

Конечно, целостной и исчерпывающей концепции относительно принципиальных вопросов устройства литературного языка, его структуры и состава, соотношения в нем различных разрядов языковых средств, характера нормативности его разновидностей, признаков спонтанности и неспонтанности речи, соотношения публичной и непубличной речи как разновидностей литературного языка – пока не возникло. Например, вопрос о норме рассмотрен на материале некоторых фактов из речи жителей Баку, нормативность словесного акцента – на отступлениях от нормы в неграмотной речи, а соотношение неподготовленности и спонтанности – в русле психолингвистических воззрений Л.В. Сахарного [Сахарный 1985; 1989]. Хотя на этом этапе атомарность сохраняется, важно, что все эти работы создали предпосылки для появления исследований монографического характера. Они же подготовили и более поздние собрания по отдельным проблемам [Норма... 1989].

Не менее важен самый факт создания обширной фонотеки и картотеки разнообразных устных и разговорных записей. Такие накопления у нас немногочисленны и не всегда доступны другим исследователям, которые испытывают в них острую нужду, ибо интерес к звучащей речи намного превосходит сейчас возможности обращения к конкретному уже собранному материалу. Кроме того – и это невозможно переобценить – эти собрания фиксируют определенный момент в языковом развитии.

Итак, перед нами – саратовские монографические исследования. Это серия "Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка". Первая книга – "Лексика" [Сиротинина ред. 1983] дополняет описания, выполненные под редакцией Е.А. Земской [Земская ред. 1973; 1983]. Организована она в характерном для саратовской школы ключе – по частям речи (включен и раздел о номинациях) и написана в основном уже названным кругом авторов. Как видно из названия серии, разговорная речь в соответствии с воззрениями этой школы считается функциональным стилем.

Выход книги был подготовлен всей логикой изучения русской разговорной речи,

она была нужна, ее выхода ждали. Несомненным ее достоинством является обширная картотека лексем и словоупотреблений. Описание направлено не только на специфические, но и на общелитературные лексические средства разговорной речи, что позволяет выявить их количественное и функциональное соотношение.

Уже прошлые работы школы дали возможность О.Б. Сиротининой – редактору книги – справедливо утверждать, что разговорно маркированные слова составляют не более 10% всей лексики, употребляемой в разговорной речи, и, более того, они в ней необязательны и существуют наряду с общелитературными синонимами. Это хорошо согласуется с данными словаря Ю.Г. Овсиенко [Овсиенко ред. 1968] и с наблюдениями Д.Н. Шмелева [Шмелев 1977]. На фоне преобладания глагольной лексики отмечено большое однообразие лексем и слабая реализуемость синонимических возможностей языка: в специальном разделе констатируется минимальная представленность в разговорной речи лексических синонимических рядов.

В книге есть фактические данные, подтверждающие проводимое Д.Н. Шмелевым членение на речь специальную и речь художественно-изобразительную и мысль Г.А. Золотовой [Золотова 1982: 341 и др.] о различиях информативного и изобразительного регистров в выборе языковых средств. О.Б. Сиротинина также констатирует, что разговорная и художественная речь ближе друг к другу, чем к научной и деловой. Общий вывод книги: лексика, употребляемая в разговорной речи, особой системы не образует, а является разновидностью общерусской лексической системы (с. 227), ее "упрощенным вариантом". Суть этого вывода не вызывает возражений, но формулировка может быть уточнена той оговоркой, что любой вариант системы может рассматриваться как подсистема, то есть он тоже системен. Это не схоластика, как может показаться, но отражение принципов устройства литературного языка и соотношения при его функционировании языковых и речевых единиц.

В книге просматривается совершенно конкретная задача – дать представление о реальной представленности в разговорной речи различных пластов лексики вплоть до отдельных лексем. Полученная картина впечатляет своей достоверностью, простотой и натуралистичностью в хорошем смысле слова.

К монографии примыкает сборник "Предложение и слово в русском языке" (1985), где ставится вопрос о номинативной функции обеих единиц и где к известной мысли о нанизывании частей высказывания в устном речевом потоке О.Б. Сиротининой добавляется идея о подобном нанизывании отдельных слов.

В т о р а я книга серии посвящена грамматике [Сиротинина ред. 1992] и, как и первая, дополняет имеющиеся описания О.А. Лаптевой [Лаптева 1976] и Е.Н. Ширяева [Ширяев 1986], а также описания, выполненные под редакцией Е.А. Земской [Земская ред. 1973; 1981]. В отличие от этих книг, центром внимания которых являются специфические особенности грамматики и, уже, синтаксиса разговорной речи, в книге "Грамматика", как и в "Лексике", характеризуется в е с ь о б ъ е м языковых средств разговорной речи и, кроме того, это делается в сопоставлении с языковыми средствами других функциональных разновидностей литературного языка.

Вторая книга, как и первая, выполнена в ключе представления частей речи, но здесь – в их грамматических категориях. Синтаксис представлен разделами о словосочетании, предикативных единицах, осложненных структурах (формально и семантически), типологии предложений. Как и в прежних работах, даются многочисленные таблицы подсчетов употреблений однородных фактов в разговорной, научной, художественной речи, комментируются моменты их сходства и различия. В нашем давнем анализе уже говорилось о слабых сторонах такого метода [Лаптева 1967: 134, 137], однако время показало, что он остается принципиальным для саратовской концепции описания разговорной грамматики.

Хотя монография написана, как и первая книга, разными (преимущественно теми же) авторами, сам монографический жанр должен был бы побудить к устранению принципиальных концептуальных противоречий, но без них, к сожалению, не обошлось. Так, касаясь вопроса о влиянии устной формы речи на грамматику, Г.Г. По-

лищук говорит о ее релевантности для грамматики в отличие от лексики (с. 162). У Э.А. Столяровой противоположная мысль (с. 31) – форма не важна, все дело в стилевых различиях, которые, впрочем, не определяются в своем статусе (ведь само слово, называющее стиль по тематической характеристике текста, еще ничего не говорит о природе образования. Здесь проявляется некая магия номинации). Та же мысль проводится на с. 37 и др.

Нельзя не приветствовать введение в книгу раздела "Текстовая организация речи", хотя О.Б. Сиротинина склонна говорить о "нетекстовом характере РР" (с. 302), о "рядоположенности фраз" (с. 304) и делает вывод о "резком отличии" РР не только от письменной, но и "от любых устных проявлений кодифицированного литературного языка" (с. 308). Эти беглые замечания сделаны без учета ряда работ, более подробно описывающих текстовые особенности устной монологической речи и к тому же участвующих в ведущейся дискуссии о статусе РР, и не войти в контекст этого разговора без специально эксплицированных оснований, пожалуй, уже нельзя.

У читателя остается недоумение и относительно некоторых расхождений принципиального характера в заключительных замечаниях книг "Лексика" и "Грамматика". В первой говорилось о вхождении лексики РР в общерусскую лексическую систему как ее облегченного варианта, а во второй подчеркивается самостоятельность (системная? – *О.Л.*) каждой функциональной разновидности, хотя и обращается внимание на ее относительность, вызванную господством в любой разновидности общелитературных явлений. Оценивая приведенные в книге статистические данные, О.Б. Сиротинина говорит, что специфика функционирования явлений – не столько количественная, сколько качественная (с. 309–310), и это качество – в "оттенках значений" (? – *О.Л.*). Тогда в чем смысл акцента на таблицы с подсчетами?..

В итоге все же говорится о принципе системной организации каждой из рассматриваемых разновидностей литературного языка, причем применительно и к лексике, и к грамматике РР – в явном противоречии с выводами первой книги. Это "неточность словоупотребления, местоименность речи при резком уменьшении количества существительных и прилагательных, синтаксическая простота (? – *О.Л.*), неполнота и нетекстовость" (с. 310). Упоминается синонимическая бедность и частые повторы одного и того же слова. Это так, но этого мало – в литературе давно отмечены (и, кажется, никем не оспорены) такие принципы организации разговорной и вообще устной литературной речи, как экономия и избыточность (Г.Г. Инфантова), превалирование смысла над формой (Вл. Барнет), особая структурная роль глагола – не просто частотность – в организации высказывания (О.А. Лаптева), смысловая и синтаксическая дискретность устного монологического текста (О.А. Лаптева). Отмечены также синтаксические и словообразовательные особенности (Е.А. Земская, О.А. Лаптева, Е.Н. Ширяев). Все это можно концептуально не учитывать – но тогда это надо опровергнуть или хотя бы оговорить.

Помимо рассмотренной серии, саратовцы выпустили еще три книги монографического характера. Все они – итог описательной конкретной работы предшествующих лет. Книги эти достаточно разные.

Тематический межвузовский сборник "Функционирование языка в разных видах речи" (1986 г.) вполне мог бы быть издан в серии "Вопросы стилистики". В нем, как и в тематических выпусках этой серии, собрано много разнопланового материала. Вынесенная в название сборника тема, предполагающая рассмотрение проблемных вопросов соотношения языковой и речевой систем, принципов членения литературного языка на разновидности, теоретических основ его моделирования как целого в единстве разновидностей, – затрагивается далеко не во всех статьях сборника. Впрочем, это легко объясняется практическими соображениями составителей.

Русской разговорной речи посвящено три статьи сборника: Т.А. Милехиной, рассматривающей функции иностилевых элементов в разговорной речи, Т.Н. Казеко, пытающейся представить конструкции с именительным темой не как регулярные и нормативные, но как ошибочные или ситуационные построения, и К.Ф. Седова, кото-

рый, подсчитывая количество слов в разных типах предложений, сами типы предложений, средства связи в тексте и под., сравнивает речь младших и старших школьников, чтобы проследить пути развития устной речи. В первой статье привлекает внимание справедливое мнение автора об ассоциативном характере нанизывания частей высказывания при полипредикации. Кроме того, автор показывает, что в разговорной речи употребляются языковые средства практически всех трех разрядов – общелитературные, устно-разговорные и книжно-письменные, причем последние – в специфических функциях.

М.А. Кормилицына монографически рассмотрела полипропозитивное простое предложение в устной речи [Кормилицына 1988]. Семантическая осложненность наблюдается на основных линиях: субъект – предикат, атрибут, обстоятельство, сравнение и авторизация. Цель книги – выявить механизм семантического осложнения простого предложения. Автору это удалось. Рассматриваются по преимуществу общелитературные явления, задача же выявления собственно разговорной специфики специально не ставится. Устный материал носит скорее иллюстративный характер, автор даже не комментирует постпозицию атрибута и другие особенности (с. 61 и др.). Конечно, и в рамках добротного семантического исследования можно было бы найти устную (или только разговорную) специфику, как это удалось, например, Е.Н. Ширяеву [Ширяев 1986].

Правда, в заключении к работе говорится о существенных различиях устной научной и разговорной речи (РР) в основном механизме семантического осложнения: в устной научной используются те же приемы, что и в письменной научной речи, а в разговорной семантическая емкость достигается использованием имплицитованных структур (что соответствует постулированному Вл. Барнетом принципу превалирования смысла над формой). Отсюда делается вывод об УНР как устной форме научного стиля в ее отличии от РР. В самом материале книги этот вывод не очень прослеживается, поскольку исследуются, как уже сказано, преимущественно общелитературные (и отчасти книжнописьменные) языковые средства они составляют основу, в том числе и количественную, всех средств, употребляемых в устной литературной речи). Есть досадные пробелы в литературе – не учтена, например, работа Ю.Г. Ясницкого о лексико-грамматических средствах авторизации в научной речи [Ясницкий 1981].

И, наконец, книга "Функциональные стили и формы речи" (1993 г.) – итог исследований саратовской школы. Сразу же скажем, что книга не очень точно названа – употреблена двусмысленная конструкция, не дающая ориентиров для установления того членения, которое имелось в виду авторами, и заглавие может осознаваться не как сопоставление двух частей, соединенных союзом *и*, но как отнесение слова *функциональные* к двум существительным, соединенным этим союзом, и уточнение всего получившегося словосочетания родительным *речи*. Но это – редакторская мелочь, хотя и заслоняющая исходные понятия и термины.

Книга посвящена центральному дискуссионному вопросу о природе специфики разговорной речи и о структуре русского литературного языка. В ней последовательно рассматривается система функциональных стилей и каждый стиль в отдельности – деловой, научный, публицистический, художественный, разговорный. Принцип их описания – установление "доминанты" для каждого стиля и разграничение и рассмотрение двух форм стиля – письменной и устной. Для обеих форм одного стиля доминанта является общей. Принимается свойственная функциональной стилистике ориентация на экстралингвистические факторы как определяющие специфику стиля (начиная со с. 3). Традиционно отмечается превалирование в стиле одной из трех функций – общения, сообщения и воздействия (мы бы еще прибавили в соответствии с теорией Б. Гавранка: эстетической).

Вопрос о соотношении языка и речи и в этой книге не освещается специально. Вслед за функциями говорится уже о речи – на ее функционировании сказываются подготовленный или неподготовленный ее характер, особенности адресата, условия

осуществления, непосредственность или опосредованность при контакте, мены ролей говорящего—слушающего (с. 4–5). Доминанта формируется совокупным действием этих факторов (с. 5), однако доминанта публицистического стиля определяется через понятие "социальной оценочности" (с. 6 и далее), подобные же категории возникают и при характеристике доминанты других стилей. Тем самым понятие доминанты немотивированно сужается и оказывается разнородным.

Перечислим суммарно неясности раздела о функциональных стилях. Неясно, одна или две разновидности публицистического стиля речь радио и телевидения (с. 6); говорится, что газетная и журнальная публицистика различаются "временем подготовки текста" (с. 7) – то есть для газеты достаточно дня, а для журнала нужен месяц? Но разве это лингвистическая значимость фактора времени? "Стихотворная разновидность отличается от прозаической обязательным расчетом на звучание речи (хотя бы мысленное) при ее зрительном восприятии" (с. 7) – но ведь внутреннее озвучивание происходит при чтении любого текста, хотя для стихов оно иное, чем для прозы. Это установлено психолингвистами.

Говоря о разговорном стиле, который тоже, согласно выдвигаемой концепции, имеет устную и письменную разновидности, О.Б. Сиротина как один из ведущих исследователей разговорной речи в отечественной русистике не может не заметить, что "устная форма (разговорная речь) настолько отличается от письменной, что обычно ее выделяют в особую разновидность литературного языка (даже в особый язык), а не считают устной формой разговорного стиля" (с. 7–8). И ниже: "Таким образом, понятие разговорного стиля фактически исключается из системы функциональных стилей, становится термином не функционально-стилевой, а стилистической (книжное – разговорное) дифференциации" (с. 8). К сожалению, в этой ключевой для понимания авторской концепции формулировке снова допущена непроясненность субъекта – исключается другими исследователями или – своими свойствами? И если признается последнее, то как это вписывается в концепцию? Ответа нет.

Далее характеризуются различные виды профессиональной речи, которые по действию доминанты и некоторым статистическим параметрам отдаляются от РР, а по некоторым таким параметрам – приближаются. Все упирается в доминанту (которая для РР почему-то не формулируется, хотя на с. 137 это "минимум заботы о форме выражения"). Говорится даже, что если "будет установлена единая доминанта, организуемая все характерные черты судебной речи, то надо будет выделить особый функциональный стиль судебного красноречия, для которого свойственна только устная форма речи" (с. 9). Но как же? Разговорная речь имеет обе формы, а судебная речь как стиль – только одну? Разве ее устный характер создает больше своеобразия, чем в таком полярном по отношению к письменным текстам образовании, как РР? И как это вписывается в предлагаемую теорию стилей, которые (все!) имеют обе формы? Неожиданно следует вывод: "функционально-стилевая дифференциация литературного языка в письменной форме речи не тождественна функционально-стилевой дифференциацией литературного языка в устной речи" (с. 9). И никаких разъяснений. Противоречия не замечаются. После описательных разделов – никакого обобщающего заключения. При всем желании мы не можем считать эту теорию корректно смоделированной.

При характеристике стилей применяются статистические подсчеты весьма общих категорий – например, простых, сложных и многокомпонентных словосочетаний публицистического стиля (в обеих разновидностях). Качественные различия замечаются при таком подходе далеко не всегда. На с. 27, например, авторы (А.П. Романенко, Н.И. Кузнецова) не замечают в приводимом материале, что в письменных текстах сплошь употреблены клишированные словосочетания, а в устных нет. В выводах же снова читаем: различия письменной и устной форм "совершенно теряются" (с. 29) на фоне "ярко выраженных стилистических черт" (стилевых? – О.Л.). Данные Н.Н. Ивакиной [Ивакина 1989; 1990], чьи работы авторы знают, во внимание не принимаются. Анализ завершается снова неожиданным выводом о несовпадении

доминанты двух разновидностей и потому не об устной разновидности публицистического стиля, а об особой гибридной функциональной разновидности, "где ведущими оказываются все же признаки стиля, а не формы речи" (с. 35). Не замечается, что теоретическому введению книги это явно противоречит.

С устной научной речью происходит то же самое. Автор (В.А. Богданова) никак не откликается на известную идею о том, что здесь важно найти разрешающие и запрещающие механизмы на использование в этом типе литературной речи маргинальных устно-разговорных и книжно-письменных особенностей [Лаптева 1983; 1984; 1985 (ред.)]. Применяются категоричные формулировки вроде "употребление любых единиц языка... зависит от стиля" (с. 37) и никак не учитываются, например, работы психолога И.А. Зимней по порождению устной речи или работы наших и американских психолингвистов. Раздел написан на ограниченном материале – сопоставлении статьи и доклада (какого? где? – *О.Л.*) П.Л. Капицы. Наблюдению подвергаются общелитературные явления (простое словосочетание, простое предложение), а когда это книжно-письменное явление (отглагольные существительные на *-ние*), то имеющиеся в литературе данные о его распределении не учитываются. А ведь глагольность устной формы научной речи значительно выше, чем письменной [Лаптева ред. 1994]. То же происходит и с терминами – их разреженность в устной научной речи не вызывает сомнений, автор же проходит мимо этого факта. Замечание о меньшей развернутости сообщения в УНР (с. 64) находится в противоречии с утверждением о ее полнооформленности. Лишь у Т.В. Кочетковой находим признание роли формы речи применительно к публицистическому стилю.

По разделу о художественном стиле заметим, что аргументы Т.Г. Винокур, В.Д. Левина, Д.Н. Шмелева и других исследователей в пользу нестилевой природы художественной речи не рассматриваются. Сделаем частное замечание о "заряде устности" в драматургии (с. 112): для разных уровней языка он при сценическом воплощении неодинаков и проявляется прежде всего в интонационной интерпретации текста (сошлемся на интересные наблюдения Е.А. Брызгуновой).

Итак, саратовская школа уже прочно вошла в отечественную русистику. Большой круг заинтересованных исследователей, объединенных общностью воззрений, накопление огромных по объему материалов звучащей речи, уже первично обработанной, влиятельность и авторитетность – этими своими неоспоримыми достоинствами она обязана творческой энергии и организационному таланту О.Б. Сиротининой, 70-летний юбилей которой недавно отметила научная общественность.

Труды школы позволяют оценить преимущества и слабые стороны статистического метода. Он хорош тем, что позволяет комплексно охватить материал и показать его распределенность по группам текстов. Однако он недостаточно представляет качественную его сторону – функции, выбор варианта, семантические особенности, и создаваемая модель нуждается в восполнении¹.

Извинительна некоторая неотредактированность и небрежность формулировок. Менее понятна недостаточная вписанность в научный контекст и отсутствие дискуссии с неприемлемыми для представителей школы научными положениями других направлений. Слабость и в отсутствии фонетического рассмотрения устно-речевых фактов – ведь многие особенности других языковых уровней идут от строения устно-речевого потока. Впрочем, не обязательно охватывать все. Ведь не можем же мы упрекнуть фонетическую лабораторию Петербургского университета (Л.А. Вербицкая, Н.Д. Светозарова, Н.И. Гейльман и др.), создавшую интереснейшие разработки по суперсегментным фонетическим средствам, выпустившую в свет материалы звучащей речи (и собравшую материалы устной научной), которая пришла к иным выводам, нежели саратовцы [Спонтанные тексты... 1983; 1984; Светозарова ред. 1988], в том, что она не затрагивает иные языковые уровни.

¹ В более поздних работах прослеживается стремление обратиться именно к семантике и функционированию [Захарова 1985].

В Перми плодотворно работает стилистическая школа под руководством М.Н. Кожинной. Центр исследовательского внимания этой школы – литературный язык в его функциональных разновидностях, которые детально характеризуются во многих своих особенностях. Труды школы выходят в монографическом виде и в продолжающейся серии сборников под разными названиями (это скорее всего издательское условие). Здесь в нашу задачу не входит анализ ни тех, ни других публикаций, поскольку разговорная городская речь не является их специальным предметом. Отметим, что в серии представлены и исследования саратовской школы [Сиротинина 1986; 1987; Полищук... 1986; Сиротинина... 1992].

Пермской школой, не уходящей от трудноразрешимых общезыковедческих вопросов о соотношении языковой и речевой (текстовой, синтагматической) системности и внесшей большой вклад в их разработку, ставится общая задача создания комплексной системы экстралингвистических стилеобразующих факторов. Анализ взглядов школы – предмет отдельного пристального анализа и заинтересованного разговора.

Здесь же наше внимание привлекает специальная пермская серия, не имеющая в отечественной русистике близких аналогий (в последнее время стала выходить подобная же екатеринбургская серия, опирающаяся на опыт создания пермской) и специально посвященная изучению живой речи своего региона, – "Ж и в о е с л о в о в р у с с к о й р е ч и П р и к а м ь я". В серии вышло шесть выпусков (с 1969 г.) и определилось ее преимущественное направление, давшее название двум последующим выпускам ("Литературный язык и народная речь"). В ней представлено много живых речевых материалов и интересных исследований. Есть здесь и собственно диалектологические разработки (Ф.Л. Скитова и др.), которые тем не менее всегда повернуты в сторону общезыковедческих вопросов – о соотношении языковой системы и индивидуально-речевого употребления, отдельных диалектных и литературных явлений и под. Диалектные явления прежде всего рассматриваются здесь как речевая база формирования устно-речевых (преимущественно синтаксических) местных особенностей городской речи. Анализируется местная лексика в речи городской интеллигенции, взаимодействие диалектной и общерусской лексики, диалектная и просторечная городская лексика, явления диалектной фонетики и акцентологии в городской речи и под. Городская речь исследуется в разных своих проявлениях и в аспекте нормы, то есть в сопоставлении с общелитературной нормой.

Уже самый этот перечень показывает высокую степень приближения к решению поставленных еще Б.А. Лариным и В.В. Виноградовым задач изучения местной городской речи в ее соотношении с городским просторечием и литературным языком, а в конечном итоге к решению спорного вопроса о региональных вариантах литературного языка. Как известно, первая серия работ о городском просторечии принадлежит воронежской исследовательнице В.И. Собинниковой, которая в пермской серии входит в число авторов.

Из восьми выпусков (1 – 1969, 2 – 1971, 3 – 1972, 4 – 1974, 5 – 1978, 6 – 1979, 7 – 1981, 8 – 1988; прямая нумерация охватывает только первые четыре) в шести участвует Т.И. Дорофеева, интересно исследующая и теоретически обосновывающая вопросы, связанные с региональными вариантами литературного языка и его нормы и со структурой самого литературного языка в свете новых описаний его устно-речевых особенностей и разновидностей. В вып. 2 она на новых для русиста материалах проводит последовательное сравнение трех объектов – фонетики диалектной, фонетики нормативной литературной и фонетики интеллигенции Перми. Рассматриваются и явления словесного акцента.

Теоретический аспект описания – территориальное варьирование устной формы литературного языка. В вып. 3 Т.И. Дорофеева подробно рассматривает местные синтаксические особенности в речи пермской интеллигенции. В вып. 4 она на материале синтаксиса исследует взаимодействие литературного языка и диалекта. В вып. 5 помещено ее (в соавторстве с Л.К. Королевой) обобщающее исследование, имеющее

целью определить статус разговорной речи в составе литературного языка. Для этого полученные по методике Б.Н. Головина и по несколько измененной методике, принятой саратовцами, статистические характеристики морфологических категорий в официальной и неофициальной речи пермских музыкантов и артистов оперы и филармонии сравниваются между собой и с выводами саратовцев по аналогичным явлениям. Сравнение не дает авторам оснований относить официальную разновидность речи к кодифицированному языку (с. 17), как это делают саратовцы.

В этом же выпуске Т.И. Дорофеева сравнивает явления лексической акцентологии в речи интеллигенции Перми и Кирова, Ленинграда, Москвы. Колебания произносительной литературной нормы "отражают борьбу традиций письменной и живой народной речи" (с. 27), и в этой борьбе разговорная речь становится источником языковых изменений (по Л.В. Щербе). В вып. 6 сопоставляются диалектная и просторечная лексика в разговорной речи горожан, а в вып. 8 (в соавторстве с Ф.Л. Скитовой) показывается, что изучение городской речи дает возможность увидеть во взаимодействии литературного языка и диалектов причину формирования ряда фактов литературной разговорной речи. В столь разнообразной и вместе с тем целенаправленно ориентированной проблематике четко просматривается прямая связь с русской исследовательской традицией. Интересные результаты исследования вносят свой вклад в изучение проблемы территориальных вариантов литературного языка, понимания природы его устных разновидностей, роли формы речи в становлении и статусе устно-речевых образований, а также механизмов языкового развития в их нормативном и узуальном воплощении.

В других статьях серии также привлекает проблемная обращенность частного описания. Сопоставляются диалектный вокализм и сценическая норма, подробно и в разных аспектах рассматривается говор одной очень старой крестьянки, что позволяет интересно повернуть тему соотношения "язык – речь" и обратиться к изучению идиолекта². Показывается диалектный генезис разговорных конструкций согласования по смыслу и конструкций с именительным и творительным предикативным, описываются отдельные любопытные диалектные факты, отражающиеся в городской (в том числе в городской интеллигентской) речи (вып. 2, 3). Сравниваются модификации гласных в Горьком, Перми и Иркутске (вып. 7), изучаются особенности перцептивной базы локальной речи, сравниваются бессоюзные предложения в литературном языке и говорах (вып. 8)³.

В итоге собран обширный и разнообразный материал для непосредственного исследования вопроса о региональных вариантах русского литературного языка. Не хватает только подобных материалов из других городских центров. Первая монографическая работа в этом направлении принадлежит опять же Т.И. Дорофеевой [Дорофеева 1979], которая дает и интересный обзор литературы. Она рассматривает локально окрашенные явления в речи носителей литературного языка в некоторой системе (фонетика, лексика, грамматика – морфология и синтаксис), хотя, конечно, на этом этапе и неполно. Общая установка книги – привлечение диалектного материала не просто в его специфике ("экзотические явления"), но как факта национального языка, тесно связанного с языком литературным (в этом исследователь идет за Б.А. Лариним).

Начали работу в сходном направлении и екатеринбургские исследователи, выпустившие три сборника – "Живая речь уральского города" (1988 г.), "Языковой облик уральского города" (1990 г.) и "Функционирование литературного языка в уральском городе" (1990 г.). Здесь много внимания уделяется локальному социально-возрастному жаргону и профессионализмам. Говорить о результатах пока рано.

Охарактеризованный в обзоре этап можно рассматривать как этап накопления

² Ср. интереснейшую и не имеющую аналогов работу, посвященную изучению лексической системы одного говора [Оссовецкий ред. 1969].

³ См. также работу [Собинникова 1975].

материала для постановки и решения ряда задач. Несмотря на известную оторванность от мировой коллоквиалистики, где преобладают социолингвистические, прагматические и дискурсные направления и используются инструментальные методы, наша коллоквиалистика, развиваясь на местах в среде звучащей живой речи, допускающей в силу своей территориальной принадлежности отклонения от усредненной литературной нормы, самим фактом окружения этой речью поставлена перед задачей осмысления факторов обеспечения единства литературного языка. Как направление со своим предметом исследования, со своим кругом идей и задач она за 30 лет своего существования способствовала возникновению и становлению некоторых смежных направлений (назовем здесь исследования устной публичной речи, а также психолингвистическую, прагматическую и социолингвистическую коллоквиалистику), обзор которых не входил в нашу задачу. Что касается построения теории литературного языка с учетом новых разговорных данных, изучения истории становления этих фактов и исследования разговорных универсалий в разных национальных языках, то эти задачи еще ждут своего исследовательского воплощения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов В.В.* 1963 – Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
- Виноградов В.В.* 1979 – О стилизации разговорной речи в современной художественной прозе // Очерки по стилистике художественной речи. М., 1979.
- Винокур Т.Г.* 1980 – Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.
- Дорофеева Т.И.* 1979 – Локальная окрашенность литературной разговорной речи. Пермь, 1979.
- Захарова Е.П.* 1985 – Формы числа в разговорной речи (семантико-функциональный аспект) // Семантические процессы и их проявление в языках разного типа. Саратов, 1985.
- Земская Е.А.* ред. 1973 – Русская разговорная речь. М., 1973.
- Земская Е.А.* ... 1981 – Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- Земская Е.А.* ред. 1983 – Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
- Золотова Г.А.* 1982 – Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Ивакина Н.Н.* 1989 – Юридические штампы и клише // Функционирование языка в различных типах текста. Пермь, 1989.
- Ивакина Н.Н.* 1990 – Типизированные предикативные конструкции в судебной речи // Статус стилистики в современном языкознании. Тезисы докладов. Пермь, 1990.
- Инфантова Г.Г.* 1973 – Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи. РнД, 1973.
- Инфантова Г.Г.* 1975 – Экономия сегментных средств в синтаксисе современной русской разговорной речи. Автореф. ... докт. дис. Л., 1975.
- Кормилицына М.А.* 1988 – Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. Саратов, 1988.
- Лаптева О.А.* 1967 – Изучение русской разговорной речи в отечественном языкознании последних лет // ВЯ. 1967. № 2.
- Лаптева О.А.* 1976 – Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
- Лаптева О.А.* 1983 – Общелитературные и специфические элементы при определении статуса устной публичной речи // Структура лингвистилистики и ее основные категории. Пермь, 1983.
- Лаптева О.А.* 1984 – Языковые основания выделения и разграничения разновидностей современного русского литературного языка // ВЯ. 1984. № 6.
- Лаптева О.А.* 1985 – Современная русская устная научная речь. Т. I – Общие свойства и фонетические особенности. Красноярск, 1985.
- Лаптева О.А.* ред. 1994 – Современная русская устная научная речь. Т. II – Синтаксические особенности. М., 1994.
- Левин В.Д.* 1971 – Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971.
- Малькова* 1985 – Возможности реконструкции старорусского устно-разговорного синтаксиса // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1985. № 4.
- Норма...* 1989 – Норма и функционирование языковых единиц. Горький, 1989.
- Овсиенко Ю.Г.* 1968–2380 наиболее употребительных слов русской разговорной речи. М., 1968.
- Оссовецкий И.А.* ред. 1969 – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.

- Полищук Г Г* 1986 – Полищук Г Г , Батышева Л А О языке учебной лекции // Функциональная статистика теории статей и их языковая реализация Пермь, 1986
- Сахарный Л В* 1985 – Психолингвистические аспекты теории словообразования Л , 1985
- Сахарный Л В* Введение в психолингвистику Л , 1989
- Светозарова Н Д* ред 1988 – Фонетика спонтанной речи Л , 1988
- Скребнев Ю М* 1971 – Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи Автореф докт дис М , 1971
- Скребнев Ю М* 1985 – Введение в коллоквиалистику Саратов, 1985
- Сиротинина О Б* ред 1983 – Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка Лексика Саратов, 1983
- Сиротинина О Б* 1986 – О соотношении формы и стиля речи // Функциональная стилистика теория стилей и их языковая реализация Пермь, 1986
- Сиротинина О Б* 1987 – Стилиевая принадлежность и текстовая организация устной научной речи // Стилистика текста в коммуникативном аспекте Пермь, 1987
- Сиротинина О Б* 1992 – Сиротинина О Б , Девяткина В В , Паршина О Н , Ягубова М А Функциональная дифференциация литературной устной речи // Статус стилистики в современном языкознании Пермь, 1992
- Сиротинина О Б* ред 1992 – Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка Грамматика Саратов, 1992
- Собинникова В И* 1975 – Заметки о речи городского населения // Очерки по русскому языку Воронеж, 1975
- Спонтанные тексты 1983, 1984 – Методическая разработка по современному русскому языку Спонтанные тексты разговорной речи в транскрипции Ч I, Л , 1983, Ч II, Л , 1984, Ч III, Л , 1984
- Грубинский В И* 1984 – Очерки русского диалектного синтаксиса Л , 1984
- Ширяев Е Н* 1986 – Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке М , 1986
- Шмелев Д Н* 1977 – Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы) М , 1977
- Ясницкий Ю Г* 1981 – Об изменениях в соотношении различных способов выражения авторского я в русской научной речи // Проблемы функционирования языка в его разновидностях Пермь, 1981
- Vaschmakoff N and Leinonen M* 1990 – Из истории и быта русских в Финляндии 1917–1939 Helsinki, 1990